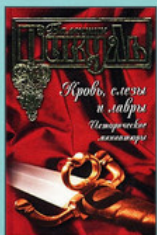

Валентин Пикуль

Кровь, слезы и лавры

*Часть сборника
Кровь, слезы и лавры.
Исторические миниатюры*

Валентин Саввич Пикуль
Кровь, слезы и лавры

Серия «Кровь, слезы и лавры», книга 48

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=124894

*Пикуль В. Кровь, слезы и лавры. Исторические миниатюры: АСТ, Вече;
2002*

Аннотация

«Генрих Карл Штейн был министром Пруссии.

– Мы, немцы, – говорил он, – давно чего-то жаждем, но, чтобы утолить жажду, осуждены глотать собственные слезы. Я боюсь не за Пруссию – я давно страдаю за всю Германию!..»

Валентин Пикуль

Кровь, слезы и лавры

Генрих Карл Штейн был министром Пруссии.

– Мы, немцы, – говорил он, – давно чего-то жаждем, но, чтобы утолить жажду, осуждены глотать собственные слезы. Я боюсь не за Пруссию – я давно страдаю за всю Германию!

В канун своего позора Берлин оставался слишком заносчив. Кухарки выбивали стекла в здании посольства Наполеона, а самоуверенный (но еще не знаменитый) генерал Блюхер нахально затачивал свою саблю на ступеньках того же посольства:

– Смерть французам! Наполеона утопим в Рейне...

Королева Луиза показывалась народу в костюме «орлеанской девственницы». А солдат – ради воодушевления – толпами, словно баранов, загоняли в королевский театр, чтобы они набрались мужества от просмотра шиллеровского «Валленштейна». Пасторы в храмах столицы открыто возвещали прихожанам:

– Наполеон еще не изведал силу Пруссии! К чему нам ружья? Достаточно шпицрутенов, чтобы гнать его генералов, вчерашних лавочников и сапожников. Одни лишь мы, пруссаки, имеем полководцев, живущих по заветам «старого Фрица»...

Наполеон одним взмахом уничтожил Пруссию при Йене,

и в день погрома лишь три человека догадывались, в чем секрет его успехов, – это были Шарнгорст и Гнейзенау, а с ними и молодой Клаузевиц, любимый ученик Шарнгорста. Зато вот пылкий Блюхер, угодивший в плен, еще ничего не понимал:

– Французы для меня хуже пьяных лягушек. Как эти лягушки смогли повалить могучего прусского буйвола?..

Наполеон сознательно унижал Пруссию; во дворце Сан-Суси он забрал для себя кабинетные часы «старого Фрица».

– Вы уже достаточно ими полюбовались, – беспардонно заявил он немцам. – Теперь эти часы короля Фридриха Великого станут отсчитывать новое время – время моего величия...

Пруссия, жившая славой былых побед, считалась в Европе самой непобедимой, и тем страшнее были бедствия пруссаков. Наполеон превратил побежденных в поставщиков денег и продовольствия для армии Франции, со смехом он признавал:

– Кажется, я выжал из них целый миллиард...

Им руководила непомерная жадность к господству над всеми европейцами, желание превратить их в рукоплещущие ему толпы и чтобы никто не смел сомневаться в его гениальном величии. «Подчинись мне, или ты будешь мною растоптан!» – таков был основной девиз его оккупационной политики.

Реформы по оживлению гнилого прусского организма

проводил министр Штейн; давний выученик Геттингена и поклонник Адама Смита, он считал, что «государство не может процветать, если в нем обездолена личность человека...».

– Человек и государство едины, составляя общее целое. Но без слияния народа с правительством, – доказывал Штейн, – невозможно существование никакого государства.

Все это было слишком ново для жителей Пруссии, издавна приученных надеяться, что за них думают короли.

– Армия, – предупреждал Штейн, – это тот же народ, и армия не имеет права быть игрушкой в руках королей...

Рассуждая так, министр не питал никаких иллюзий относительно патриотизма прусского юнкерства:

– Что можно ожидать от породы племенных скотов, выведенных в хлевах династии Гогенцоллернов! Бессердечные, полуграмотные люди, они способны быть только капралами в казармах или крохоборами в своих помещичьих фольварках.

Юнкера платили Штейну той же монетой.

– Лучше, – говорили они, – пережить еще два разгрома при Йене, нежели облизывать мед с бритвы Штейна. Мы скорее поладим с интендантами-обиралами Наполеона, чем с министром, выпускающим на волю наших крестьян...

В декабре 1808 года появился декрет Наполеона: «Некий Штейн, занимающийся в Германии возмущением смут, объявляется *врагом Франции*... владения (Штейна) подлежат се-

квестру. Лично помянутый мною Штейн, где бы он ни был настигнут войсками нашими или наших союзников, подлежит заарестованию».

– Передайте в Берлин, – наказал император. – Сен-Марсан не вручит королю верительных грамот, пока Штейн не будет изгнан из Пруссии, и дайте понять моему послу, что мне желательно получить Штейна живьем. Я его расстреляю...

Когда такое начало я прочел своему приятелю, он сказал, чтобы я не связывался с «фон-унд-цум» Штейном:

– Ну, допустим, я его немножко знаю. А... другие? Из истории освободительной войны 1813 года у нас давно известны лишь имена Блюхера, Клаузевица, Шарнгорста и Гнейзенау. Но, помилуй, кто из наших читателей слышал о Штейне?

На это я отвечал, что почти все перечисленные имена, столь громкие в немецкой истории, позже были отчеканены на броне кайзеровских и гитлеровских крейсеров (как императоры, так и нацисты старались подчеркнуть свою мнимую причастность к героям-патриотам старой Германии).

– Но заметил ли ты, – сказал я приятелю, – что имя Штейна не засияло на бортах крейсеров и дредноутов. Ни кайзеры, ни фюреры не желали связывать себя с его личностью, ибо популярность Штейна всегда казалась слишком опасной. Нам иногда нелегко осмыслить все трагическое величие этого человека, которого поняли лишь немецкие демократы.

– Тогда продолжай, – согласился приятель...

Я продолжаю. Германия была разрознена, а вечная вражда между Австрией и Пруссией усиливала немецкую разобщенность. Монахи, епископы и всякие фюрсты не могли возглавить народы в борьбе с Наполеоном: напротив, они, словно жалкие побирушки, гурьбою толпились в передних «корсиканца», вымаливая у него земли за счет соседей, денежные дотации за счет своих же ограбленных подданных, они умоляли деспота о пенсиях и орденах... Штейн именовал князей Германии «мелюзгой» и «сволочью». В это безотрадное время немецкая профессура возрождала угасший патриотизм немцев комментариями к старинным легендам Рейна или сказкам Одера, а посему Штейн не очень-то доверял и тогдашней германской учености:

– Наши мыслители очень далеки от жизни народа, их мудрость давно не в ладах с обычным человеческим здравомыслием. Философия словно нарочно выискивает такие точки зрения на вещи, с каких на эти же вещи никогда не смотрит нормальный человек, ежедневно озабоченный добыванием куска хлеба насущного... Что касается нашей литературы, то я не вижу пользы от ее высокопарных фантазий. Нужна простецкая песня о любви к родине!

Великий философ Гегель уж нарек Наполеона «мировым духом верхом на коне», а великий поэт Гете с поклоном принял орден Почетного легиона от человека, разорившего его Веймар. Германский романтизм витал в заоблачных грезах, боясь спуститься на землю, обильно унавоженную массо-

выми рейдами непобедимой мюратовской кавалерии. Прусский король Фридрих-Вильгельм III, это жалкое подобие властелина, пресмыкался перед Наполеоном, внушая своим генералам и министрам: «С ним лучше не спорить, ему не стоит и возражать, ибо Наполеон – гений». В это время только одна захудалая Испания геройски погибла в пламени и руинах Сарагосы, да еще на востоке, незаметно и без лишнего шума, Россия накапливала силы для решающей битвы с удачливым узурпатором...

Пятого января 1809 года французский посол граф Сен-Марсан втайне повидался с голландским послом в Берлине:

– Вы, конечно, знакомы с декретом Наполеона, требующего ареста Штейна. Я боюсь встречаться со Штейном, ибо за мною тоже следят из Парижа, но вам это легче. Предупредите Штейна, чтобы он немедленно скрылся. Мне известно, что его сестра уже арестована и вывезена в Париж для допросов.

– Чем же Штейн вызвал гнев вашего императора?

– Шпионы перехватили его письмо, из которого Наполеон уяснил, что гражданские реформы Штейна, как и военные, скоро возродят Пруссию для борьбы с ним. По мнению Штейна, если Пруссию не смогла спасти королевская армия, теперь ее спасет народное ополчение – ландвер и ландштурм...

Предупрежденный об опасности, Штейн не слишком-то верил в благородство своего олуха короля:

– Этому трусу ничего не стоит выдать своего же министра в дикастерию палача Фуше... Надо бежать! – сказал Штейн жене, прощаясь с нею. – Берега Швеции или Англии для меня сейчас недоступны, но еще остались владения Габсбургов...

Однако на пути к Вене его остановил указ императора Франца: «Поставьте на вид барону Штейну, чтоб он, если желает иметь пребывание в моих владениях, поселился в Брюнне и вел бы себя там скромно, иначе будет удален из страны».

– Человек, лишенный отечества, поневоле становится отбросом общества, – трезво рассуждал Штейн...

Да! Если в Пруссии народ расступался перед ним, в знак почтения снимая шляпы, то здесь, в зловещей империи Габсбургов, Штейна сторонились, словно он был проклят. С ним боялись даже разговаривать. Но уже восстали тирольцы, потомки Вильгельма Телля, а весною началась новая война. Наполеон в битве при Ваграме уничтожил войска Австрии, и Штейну, чтобы его не схватили французы, пришлось спастись в силезском Троппау. Именно в этом городе возникла его дружба с молодым русским дипломатом Сергеем Уваровым (книга которого о Штейне была напечатана в нашей стране в 1846 году).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.